

Система имен персонажей в сатирах А.Д. Кантемира

© О.Л. ДОВГИЙ,

кандидат филологических наук

В статье впервые в научной литературе ставится вопрос о системном подходе к ономастикону в сатирах Кантемира. Многообразие, взаимозаменяемость и кажущаяся случайность выбора имен персонажей создают атмосферу карнавала и перевернутого мира сатир. В статье намечены примерные пути исследования темы ономастики сатир в свете усвоения традиции Кантемира последующей русской поэзией.

Ключевые слова: А.Д. Кантемир, сатиры, система имен, имена русские и западные, имена собственные и «несобственные».

DOI: 10.31857/РЫБА!!6190000355-6

In the paper for the first time in scientific literature onomasticon in Cantemir's satires is considered from systematic point of view. Variety, interchangeability and apparent randomness of choice of characters' names create the atmosphere

of carnival and upside down world of satire. Some ways of future investigation of satires' onomasticon in light of its connection with forthcoming Russian poetry are suggested in the paper.

Keywords: A.D. Cantemir, satires, system of Names, russian Names / foreign names, proper names/ «uncommon» names.

Сатиры А.Д. Кантемира традиционно считаются трудным чтением: сложный язык, избыливающий архаизмами, непривычная силлабическая организация стиха, обилие мелких подробностей, множество персонажей с именами, сложными для запоминания, как будто нарочно созданы для того, чтобы мучить студентов-филологов.

Об ономастиконе сатир и пойдет речь в нашей статье [1]. На первый взгляд, имена розданы совершенно хаотично: русские перемежаются с иностранными; некоторые повторяются по два, а то и три раза — словно и сам автор не мог упомнить, кого из своих многочисленных персонажей как он назвал. Л.В. Пумпянский обратил внимание на такое именование, но не увидел в нем важного смысла: «Почему одни герои названы... Хрисипп, Клеарх, Менандр, Лонгин, Гликон, Клитес, Ирман, Созим, Невий, Зоил, а двое (в той же третьей сатире) Варлам и Фока. Не уловить точной мысли и в самом типе имен...» [2. С. 194].

Тем не менее, нам кажется небесполезным внимательно взглянуть на имена персонажей, поскольку в художественном мире сатир нет ничего случайного — они представляются нам единым текстом — см. [3]. «В художественном произведении нет неговорящих имен... Все имена говорят» [4]. Ономастикон сатир тоже складывается в систему, закономерности которой нам поможет выявить тезаурусный анализ. В настоящей статье мы лишь наметим основные направления изучения этой системы.

Все персонажи делятся на тех, кто имеет имя собственное, и безымянных. Впрочем, как мы увидим выше, и безымянность у Кантемира значима. Заметим, что в первой редакции 1-й и 5-й сатир имен собственных нет; некоторые имена в 3-й сатире при переработке были изменены. Это тоже говорит в пользу важности системы имен в едином мире сатир.

Персонажи с именами собственными делятся на реально существовавших, и вымышленных. Описание реально существовавших, исторических персонажей, как и возможных прототипов людей, выведенных в сатирах, не входит в нашу сегодняшнюю задачу. Это отдельная большая тема.

В нашей статье речь пойдет только о вымышленных персонажах. Их имена делятся на иностранные и русские. Численное соотношение — в пользу иностранных: их 40 (не считая постоянно упоминаемых имен мифологических и исторических персонажей, вроде Венеры, Нарцисса,

Рекса, Ювенала и т.д.) против 11 русских (тоже не считая имен исторических деятелей, вроде Ольги, Владимира и т.д.).

Имена иностранные

Критон, Силван, Медор, Хрисипп, Клеарх, Менандр, Клеарх, Невий, Хирон, Ксенон, Милон, Макрин, Мелит... Все они обозначают носителей различных пороков. Они легко могут слиться в единый поток. Но с другой стороны, если внимательно приглядеться, каждый отмечен какой-то особой чертой: Невий из 3-й сатиры «бос и без порток»; у Хрисиппа деньги «ржавеют в сундуках» и «простыни гниют на постели», в 7-й сатире жертва похоти Мелит, у которого «гнусны чирьи весь нос объели»; рвущийся в новую знать Клит, который кланяется «и мухам». Люди, их характеры, страсти «без конца различны»; надо только уметь наблюдать — это не устаёт повторять Кантемир разными способами.

Пумпянский раскрывает этимологию некоторых имен: «Хрисипп, от слова означавшего золото, — действительно скуп, Зоил — действительно завистник» [2. С. 193], заметив, что таких имен немного. Это не совсем так: этимологию проследить удастся у многих имен; и сравнение этимологического значения имени с той маской, которую выбирает Кантемир для персонажа, проливает новый свет на общий замысел сатир и на взаимосвязь всех уровней текста. Так, имя Клит в переводе с греческого означает «приглашенный, избранный». А у Кантемира этот «избранный» всего добивается сам: «Клита в постели застать не может день новой, / Неотступен сохнет он, зевая в крестовой, / Спины своей не жалел, кланяясь и мухам, / Кويم доступ дозволен к временщицым ухам... / Клит осторожен — свои слова точно мерит, / Льстит всякому, никому почти он не верит, / С холопом новых людей дружбу весть не рдится, / Истинная мысль его прилежно таится / В делах его. О трудах своих он не тужит, / Идучи упрямо в цель: Клиту счастье служит, — / Иных свойств не требует, кому счастье дружно...».

Кантемир указывает в примечаниях, что имена вымышленные, не скрывая своих источников: «...автор наш имитовал Феофраста, греческого философа, и из новейших Лабрюйера...» [1. С. 511]. Однако на самом деле не все имена вымышленные: многие персонажи названы именами литературных героев (Медор), мифологических персонажей (Хирон), античных исторических деятелей, авторов (Клеарх, Менандр, Милон, Невий и др.). Это тоже может стать темой интересного исследования.

Многие имена имеют прозрачную семантику — фактически являются «говорящими»: Филарет (любитель добродетели), Периерг (любопытный).

Есть имена с семантикой леса: Сильвий из 6-й сатиры образец скупости (сундуки, палаты / Огромны сокровищу его тесноваты»), и Сильвия

из 7-й сатиры, отличающаяся распутным нравом («круглу грудь редко покрывает»). Возможно, здесь есть скрытая оппозиция: лесной житель Сатир является обличителем пороков, а обладатели имен с лесной семантикой — их носителями.

Особый интерес представляет **повтор имен**. Есть имена, встречающиеся дважды и трижды.

Так, Критон в 1-й сатире был первым в череде обличителей наук и запомнился фразой «Потеряли добрый нрав — забыли пить квасу...». В 5-й сатире человек с этим именем сделан автором, который 20 лет трудился над книгой о коньках. Ему пришлось все «томления и поты» автора, о которых шла речь в 1-й сатире, испытать на себе.

Имя Силван встречается целых три раза. Силван-1 в первой сатире является вторым главным обличителем наук; его главный аргумент, что «ученье нам голод наводит...» и что «Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли...». О Силване-2 услышим в 3-й сатире из речи сплетника Созима: «Чистую удачливо удит / Золотом мягкий Силван супругу соседа...». Силван-3 возникнет в 4-й сатире в ироническом обращении автора к своей музе: «Вот хорош Силван; он тих, не добьешься слова...». А если вспомнить примечание Кантемира: «Пан. Бог лесной, иногда и Силваном от стихотворцев называется, сын Пенелопы», то и четырежды.

Менандр-1 в 3-й сатире разносил сплетни, а Менандр-2 в пятой — записки своего хозяина Хирона к его любовницам.

Клеарх в 3-й сатире окажется в долговой тюрьме, а в 7-й автор поведет в эту тюрьму сына, чтобы показать, что бывает за невоздержанность.

Зачем Кантемиру эти повторы имен? Не для того ли, чтобы показать отражение персонажа в разных зеркалах, заставить делать то, что прежде осуждал, вывести на чистую воду лицемерие? Мир сатиры — перевернутый, насыщенный абсурдом; так что такие метаморфозы ему не чужды. Но это всего лишь наше предположение.

А вот то, что многие имена кантемировских типажей прочно вошли в русскую литературу (причем часто именно в комедии и сатиры) — это факт. Так, имя Клит встретится у К.Н. Батюшкова, А.А. Дельвига, графа Д.И. Хвостова. Часто русские поэты делали Клита неудачливым литератором. У Дельвига Клит — «поэт надутый», автор снотворных стихов: «О Клит возлюбленный! смягчися, умоляю: / Я без твоих стихов бессонницей страдаю! («Эпиграмма»).

У А.Е. Измайлова есть эпиграмма, где фигурирует персонаж с кантемировским именем Дамон: «Послушаешь одних, так очень глуп Дамон; / Другие говорят: умен / Кому же верить должно? / Не лжет ли кто-нибудь? — Никак! / Когда Дамон молчит, его счесть умным можно; / Заговорит — дурак!» По поводу этой эпиграммы сам Измайлов написал: «Каюсь пред

всеми в грехе: эта эпиграмма украдена мною у покойного князя А.Д. Кантемира». Речь идет об эпиграмме «Умен ты, Бруте; порук тому честь устанешь...». Как видим, Измайлов меняет имя Бруте на имя Дамон. Почему — вопрос пока открытый.

У Пушкина встретятся Арист, Варлам, Дамон, Клиг, Критон, Лука, Медор, Тит, Фока и др.

История каждого кантемировского имени в русской литературе — его метаморфозы, развитие семантического ореола — может стать богатым исследовательским сюжетом.

Имена русские

Их, как мы видели, значительно меньше, чем иностранных. Кроме того, имена Евгений, Ольга, Петр — «обрусели» в силу давней привычки к употреблению в России, но исконно имеют иностранное происхождение.

Утверждению имени Евгений в русском ономастиконе способствовал именно Кантемир. Пара оппонентов из 2-й сатиры мыслилась Кантемиром как названная заграничными именами: «Филаретом и Евгением — два подложные имена, которых первое на греческом языке изобразует любителя добродетели, а другое — дворянина» [1. С. 77]. С течением времени имя Филарет отошло в разряд условно-литературных, а Евгений стало восприниматься как русское — и соотношение имен оказалось таким: человек с западным именем — любитель добродетели; а человек с «русским» именем — средоточие пороков. Более того — имя Евгений в русской литературе XVIII-го века считалось откровенно сатирической маской; достаточно вспомнить Евгения Негодяева в романе А. Измайлова. С течением времени ореол имени менялся, становился сложнее [5].

Если внимательно читать сатиры, то можно составить схему имен, из которой будет видно, что носителей западных и русских имен легко объединять в пары по разным признакам — например, *носители одного порока*:

Скупые: Игнатий из 7-й сатиры («беден над кучей золота», а у Хрисиппа из 3-й сатиры «деньги в сундуках ржавеют».

Пьяницы: для Клитеса из 3-ей сатиры понятие счастья укладывается в формулу «полная скляница», а румяный Лука из 1-ой сатиры запоминается тем, что «трюжды рыгнув», поет гимн вину.

Кокетки: Сильвия из 7-й сатиры «белится, румянится», и Настя из 3-ей («румяна, бела своими трудами») пользуются одними средствами.

В речи злословного Созима из 3-ей сатиры чередуются русские и западные имена осуждаемых: «...но о всех так судит / Строго Созим: “Чистую удачливо удит / Золотом мягкий Силван супругу соседа; / У Прокопа

голоден вышел из обеда; / Настя румяна, бела своими трудами, / Красота ея в ларце лежит за ключами...»». Злому языку все равно, кого очернять, — пред ним все равно беззащитны.

Вот пара из 3-й сатиры, построенная на оппозиции: «язык злословный» (Созим) / «язык сладкий» (Трофим): «Ни возраст, ни чин, ни друг, ни сам ближний кровный / *Язык Созимов* унять не может *злословный*... /... Когда мне случится с ним сойтись, ибо знаю, / Что как скоро с глаз его сойду — уж готово / Столь злобное ж обо мне будет ему слово... / Сообществу язва он; но больше ужасен / *Трофим с сладким языком*, и больше опасен.

Пары положительного примера тоже часто составляются из сочетания русских и западных имен. Филарет в своем монологе приводит в одной связке и русские, и западные имена: «Что ж в Дамоне, Трифоне, Туллии гнусно / Что, как награждают их, тебе насмерть грустно? / Благодравны те, умны, верность их немала...».

Лука, Варлам, Трофим, Макар, Настя, Игнатий, Савка, Сенька, Иван... Сразу бросается в глаза форма имени: либо полная — либо уменьшительно-презрительная. Этот факт тоже не останется без внимания в русской литературе.

Многие из этих имен встретятся у Пушкина. Вспомним, например, попа *Варлама* из 3-й сатиры — на деле ханжу, пьяницу и обжору: «Когда где зван за столом — и мясо противно, / И пить много не может; да то и не дивно: / Дома съел целый каплун, да на жир и сало / Бутылки венгерского с нуждой запить стало...» или пушкинского Варлаама из «Бориса Годунова», чернеца, сборщика податей, которому «...было бы вино... да вот и оно!..».

В «Скупом рыцаре» Пушкин даст слуге Альбера русское имя Иван. О причинах такого именования в пушкинистике уже давно идет дискуссия [6]. Мы не собираемся включаться в нее — просто отметим, что в «странном» смешении русских и западных имен без видимых причин Пушкин следует традиции, начатой Кантемиром. И имя Иван, стоящее рядом со словом «слуга», у Кантемира тоже есть.

Имена «несобственные»

Такое рабочее название даем мы очень важной в сатирах категории имен. Можно обозначить ее и так «Толпа и ее части».

Всяк, иной, другой, все — это тоже имена.

Всяк, всякий

Своего мнения у него искать не стоит; зато он лучший выразитель мнения толпы — он и казнит, он и венчает: «И в тех трудах всяк тебя как мору чужится, / Смеется, гнушается...» (1); «Должен архипастырем *всяк* тя в сих познати / Знаках, благоговейно отцом называти...»;

«Когда было выедет — *всяк* долой с дороги, / И, шапочку сняв, ему головою — в ноги...» (2); «...старика, пальцем *всяк* казав, осмеивает...» (5).

Всяк не имеет лица. Лыстецу Трофим совершенно все равно, кому льстить: «Все до облак Титовы дела возвышает... / И не отличен ему Тит один, но равно / *Всякому* льстит. Все ему чудно и преславно...» (3).

Всяк совершенно беспринципен. Как меняется его мнение, видно из истории внезапного возвышения Макара в 5-й сатире: «Болваном Макара вчера казался народу, / Годен лишь дрова рубить или таскать воду; / Никто ошупать не мог в нем ума хоть кроху, / Углем черным *всяк* пятнал совесть его плоху. / Улыбнулося тому ж счастье Макару — / И, сегодня временщик, уж он всем под пару / Честным, знатным, искусным людям становится, / *Всяк* уму наперерыв чудну в нем дивится...».

Иной, другой

Это некий мистический и мифический персонаж, заботой о благе которого *всяк* мотивирует все свои действия: «Что же пользы *иному*...» (1) — это универсальный аргумент.

Это имя из перечисления: имя-бланк, имя-прочерк, имя-обезличивание, его можно заменить любым другим: «...слезы у *иного* / Потекли с глаз с радости; *иной*, не спокоен...» (2).

В 4-й сатире автор, перечисляя врагов сатирика, сначала называет имена: «Кондрат с товарищи», «Никон», а затем в перечислении различных козней все остальные имена заменяет формой «иной». В 5-й сатире Сатир дал много разных имен представителей различных пороков; но затем заменяет имена собственные на три имени — *Один*, *Другой*, *Иной* — и ничего не меняется: «*Один* безрассудно / Мечет горстью полную то, что отец трудно / Достал богатство ему, и поздно уж плачет, / Недостатки чувствуя. *Другой* крепко прячет / Кучу денег и над ней с гладу помирает, / Что ни вложит кусок в рот, то цену считает. / Как в красавицу, *иной* влюбившись в славу, / И, покой и всякий страх презревши, в кроваву / Бежит битву, где иль глаз оставит, иль ногу; / Крив и хром, топчет еще и к смерти дорогу...».

Все

Если не бояться идти вразрез с грамматикой, то можно сказать, что это множественное число от имен *всяк*, *иной*, *другой*. Все — это очень большая сила; так зовут любое большинство: «*Все* кричат: “Никакой плод не видим с науки, / Ученых хоть голова полна - пусты руки”» (1); «Честнее будет он друг, *всем* дружен являясь...» (2).

Живя в обществе, не стоит пренебрегать, ни *всеми*, ни *всяким* — именно так ведет себя Варлам из 3-й сатиры: «Варлам смирен, молчалив; как в палату войдет - / Всем низко поклонится, к *всякому* подойдет...».

Все то распадаются на множество *всяких* и *иных*, с перечислением особенностей каждого, то снова сливаются воедино. Филарет блестяще владеет приемом чередования единственного и множественного числа этих «несобственных» имен: «*Иной* в войнах претерпел нужду, страх и раны, / *Иным* в море недруги и валы попораны, / *Иной* правду весил тих, бегая обиды, — / *Всех* были различные достоинства виды...».

За *всех всяк* всегда укроется — они ведь и фонетические родственники.

У Пушкина *всяк* и *все* сведены: «*И всяк* зевает да живет, / *И всех* вас гроб зевая ждет...» («Сцена из Фауста»).

Итак, мы бросили беглый взгляд на систему имен в сатирах; рассмотрели основные группы имен: западные, русские и «собираательные», наметили примерные пути развития изучения ономастикона сатир в движении последующей русской литературы. Главное, что мы пытались показать, — имена Кантемиром выбирались не случайно; каждое имя значимо как компонент системы.

Во всех своих публикациях о сатирах мы говорим о системе универсальных оппозиций, лежащих в основе структуры текста. В системе имен можно выделить две главные оппозиции: *собственные* / «*несобственные*», *общие*; а среди собственных — *западноевропейские* / *русские*. На первый взгляд, эти оппозиции в сатирах размыты — но это только на первый взгляд.

Сатиры — текст о страстях и пороках, а они «бесконечны, безобразны». Именно поэтому Кантемиру нужно так много персонажей и так много имен. Имен разных — собственных (исторических, вымышленных, русских, западных, античных) и «несобственных», общих. В смешении имен, в их, на первый взгляд, хаосе и содержится отражение главной идеи сатир — различие страстей человеческих. И в то же время Кантемир показывает общность этих страстей для всех людей, независимо от времени, страны, возраста. Поэтому можно называть страсти и пороки разными личными именами, а можно именами общими. Кажущаяся хаотичность номинации — это художественный прием. Так создается ощущение карнавальности и абсурдности мира сатир, где правомерны и многообразие имен, и их повторяемость и взаимозаменяемость.

Литература

1. *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений / Вступит. ст. Ф.Я. Приймы; Подгот. текста и примеч.З. И. Гершковича. Изд. 2-е Л., 1956. В круглых скобках указ. номер сатиры.
2. *Пумпянский Л.В.* Кантемир // История русской литературы. В 10 т. М., — Л., 1941. Т. III. Ч. 1. С. 176–212.

3. Довгий О.Л. «Развернуть старика...». Сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа. М., 2012; Довгий О.Л. Грамматика поэзии в сатирах А.Д. Кантемира // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 1. С. 5–11 и др. работы автора.
4. Тынянов Ю.Н. Поэтика. Теория литературы. Кино. М., 1977. С. 279.
5. Лотман Ю. М. «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 543.
6. Симанков В.И. К вопросу ономастическом противоречии в «Скупом рыцаре» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32. С. 243–253.

*МГУ им. М.В. Ломоносова
РГГУ*